

И «Мещанин», и «Дон Жуан», и «Лекарь поневоле»

Мок. правд. - 1994 - 15 сент. - с. 3.

Знаете, как называют «Комеди Франсез»?

Официально - Театр французской комедии.

Но нередко и просто - «Дом Мольера».

Согласитесь, что-то в этом есть. Пьесы писали многие, на сцене играли многие, а дом - именно Мольера.

Лев Толстой как-то сказал: «Мольер едва ли не самый все-народный и потому прекрасный художник нового искусства».

А Станиславский добавил: «Мольер широко охватывает человеческие страсти и пороки. Он описывает то, что видел и знает. Но как гений, он знает в с е ... Он описывает жизнь, происшествие, частное лицо, а получается общечеловеческий порок или страсть. В этом отношении он близок Пушкину и всем вообще великим драматургам».

Да, кстати, и сам наш национальный гений, Пушкин, тоже нашел слова, чтобы выразить свое отношение к уникальному явлению, Мольеру: «Бессмертный Тартюф - плод самого сильного напряжения комического гения».

Мало кто на протяжении трех веков не читал, не слышал, не видел мольеровых пьес. Как и любой великий, он вошел в жизнь не для того, чтобы унести свою славу с собой. Другое дело, что слава прижизненная и посмертная, как и судьба прижизненная и посмертная - вещи разные. Вот и получилось, по замечанию одного из исследователей творчества великого лицедея, что когда тот умирал и послали за врачом и священником, то ни один врач и ни один священник не пришли к умирающему.

Немудрено - как высмеял он их в своих комедиях, вызывающих гомерический хохот в зале!

И - более того: «Его хоронили только на четвертый день: он не отрекся от своего ремесла, и церковь не разрешила совершить обряд. Потребовалось вмешательство короля, чтобы тело Мольера разрешили наконец похоронить на кладбище Святого Иосифа среди самоубийц и некрещеных детей».

На его могилу положили большую каменную плиту. Зимой на ней разводили костер, и бездомные бродяги могли согреться у его огня. Плита со временем треснула от огня и развалилась.

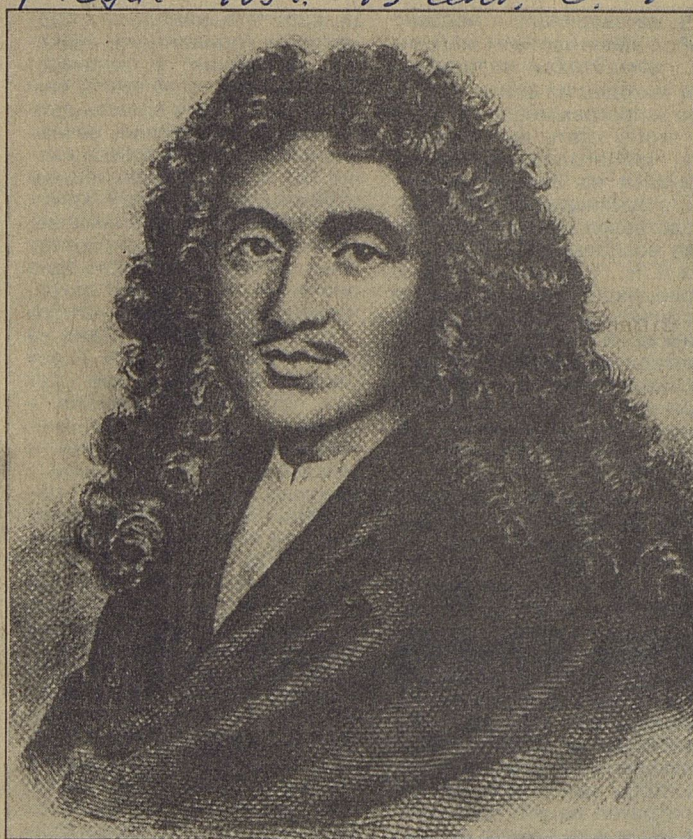
Прошло более ста лет, и когда благодарные потомки пришли сюда, чтобы с почестями перенести останки славного сына Франции, то никто не смог с точностью указать место его погребения» (В.Мультиули).

Да, у сына и внука обойщиков была совершенно уникальная судьба. Стать актером, сочинять пьесы, странствовать, смешить, заставлять обливаться слезами над вымыслом, быть в фаворе и в немилости... Кому теперь неведомы «Тартюф», «Мизантроп», «Дон Жуан», «Мнимый больной», «Мещанин во дворянстве»? И в то же самое время - кто держал в руках, кто видел хотя бы один автограф Мольера, кроме пары расписок, не имеющих отношения к творчеству, к драматургии?

Какая-то мистика сопровождала этого обаятельного человека, умевшего жить столькими жизнями одновременно, что, вероятно, где-то там, наверху, в небесах, так и не было решено, какую же из этих жизней закрепить за ним.

Вот и получилось, почти как у Гоголя, на надгробной плите которого написано, выбито, что не сам Гоголь здесь похоронен, а лишь его тело. Потому что все, что больше телесного, значительней, долговечней, - все это осталось в неведомой, но являющей энергии, по сей день влияющей на нас со страниц книг и со сцены.

«Невероятная вещь! Дорожный сундучок с рукописями, черновиками и письмами Мольера исчез по небрежности наследников. Может быть, его уничтожили, а может быть, он еще дремлет под слоем пыли и паутины на каком-нибудь чердаке в Иль-де-Франс. Не сохранилось ни одного дома, где жил Мольер, даже

того живописного здания, в котором он родился. Капризная судьба с помощью людской глупости и неблагодарности упрямо старается стереть все материальные следы этой до краев наполненной жизни. В конечном итоге от Мольера осталось только две расписки... и его пьесы, в которых он, конечно, сказал все самое важное о себе».

Это - слова соплеменника великого драматурга, французского исследователя Жоржа Бордонова.

И тем не менее, несмотря на столь мизерные вещественные свидетельства, о самом Мольере написано едва ли не больше, чем написал он сам. А может быть, и больше.

Известны тридцать четыре пьесы Мольера, помимо спорных и тех, которые утрачены, хотя о них упоминается.

Одних только переводов «Тартюфа» на русский язык существует девятнадцать вариантов!

И потом - вчитайтесь, какие перья кропотливо трудились над переводами с французского: Капнист, Крылов, Аксаков, Полевой, Гоголь, Минаев, Брюсов, Щепкина-Куперник, Лозинский...

И разве можно теперь представить себе ту улицу в нашем духовном пространстве, которая состоит из таких домов-томов о Мольере, как «Жизнь господина де Мольера» Булгакова, «Мольер» Гликмана, «Мольер» Бояджиева и т.д., без этих книг?

Говорят, Мольера много ставили при его жизни, и сам он много играл. Да, так. Но теперь Мольер современнее, чем был для своих современников. И за десять наших лет один только французский театр поставил его пьес на тысячу больше, чем за весь XVIII век!

Извращенные, развращенные и во многом неправильно ориентированные школой, мы, увы, редко возвращаемся к той классике, которую «проходили», расчлняя произведения на образы. Но когда в зрелом возрасте выпадает счастье взять в руки книги Пушкина и Толстого, Шекспира и Мольера, то затем уже выпускать из рук их не хочется. Трудно читать пьесы? Так это ведь смотря какие. Шатовские, может, и трудно, не стану спорить. Но разве, читая Грибоедова, или Шекспира, или Гоголя, мы помним о том, что это - пьесы?

Да и Мольера что-то не видно на прилавках книжных магазинов. А какое было в 1937 году академическое издание!

Вот сейчас «Терра» повторяет это издание в четырех томах тиражом двадцать тысяч экземпляров.

Не пропустите. Бог весть когда и кому еще придет в голову совершить такой шаг?

А ведь Мольер - он столько же француз, сколько и русский. Не по национальности - здесь она не столь уж и важна, как и у всякого гения, а по

степени распространенности и влияния. В 1668 году игру Мольера смотрел князь Потемкин, когда он возглавлял прибывшее в Париж посольство. А пошедшие вскоре на русской сцене пьесы Мольера знаете, как назывались? Можно только улыбнуться приблизительности перевода и его ассоциативности.

Например, «Доктор принужденный». Это - «Лекарь поневоле».

Или - «Драгяя смеянная». Догадываетесь? Нет? «Смешные жеманницы»!

И русская театральная сцена стала без Мольера невымыслима. Без «Школы мужей», без «Жоржа Дандена», без всего этого блеска остроумия, брызг смеха, тонкой иронии и здорового юмора.

Одних только «Ученых женщин» театр Французской комедии за последние триста лет поставил более двух тысяч раз.

Представляете: век за веком идет один и тот же спектакль, и век за веком все новые и новые поколения идут и идут смотреть его, отдавая себя на несколько часов во власть лицедеев, говорящих чужие слова, которые почему-то тут же становятся и нашими, входят в обиход, цитируются.

Эту особенность когда-то очень тонко подметил выдающийся русский актер Щепкин, когда репетировал Сганареля: «Так как мы много репетировали, и это мне наскучило, да и голова моя была занята в то время какими-то пустяками, то я вел репетицию, как говорит, неглиже: не играл, а только говорил, что следовало по роли... И что же? Я чувствовал, что сказал несколько слов просто и так просто, что если бы не по пьесе, а в жизни мне пришлось говорить эту фразу, то сказал бы ее точно так же. И всякий раз, когда мне удавалось сказать таким образом, я чувствовал наслаждение, и так мне было хорошо, что к концу пьесы я уже начал стараться сохранить этот разговор».

Кстати, читая выпускаемое «Террой» издание, можно насладиться не только творениями Мольера, которые, как видим, даже великих мира сего повергали в изумление, но можно очень много узнать и о самом Мольере, и о создании его пьес, и об окружении, об истории... Издание-то - академическое, и этим сказано почти все.

Так что, если вы не ленивы и не равнодушны, возьмите эту информацию на заметку. Если не вам, то уж вашим-то детям точно пьесы Мольера понадобятся, и не раз.

Тем более, что вещи, которые ставят триста лет без перерыва на многих языках и от которых в обозримом будущем не собираются отказываться, сами уж могут выбирать себе зрителя и читателя. Хочется, чтобы выбор стал обоюдным.

Иван ПАНКЕЕВ.